

дования правовой культуры. Особое внимание уделено характеристике аксиологического подхода к определению сущности данного социального феномена. Рассмотрена функциональная система правовой культуры.

Ключевые слова: культура, правовая культура, антропологический подход, деятельностный подход, аксиологический подход, функции правовой культуры

ATTRIBUTIVE AND FUNCTIONAL ANALYSIS CONCEPT OF LEGAL CULTURE

Klimova G. P.

Article taken attributive and functional analysis of the concept of legal culture. Disclosure of important theoretical and methodological trends in the study of legal culture. Particular attention is given to the characteristic axiological approach to the definition of this social phenomenon. Consider the functionality of the system of legal culture.

Key words: culture, legal culture, anthropological approach, activity-based approach, the axiological approach, functions of legal culture.

УДК 340.12

Ю. В. Мелякова, кандидат философских наук

ДЕКОНСТРУКТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРАВОВОГО НАРРАТИВА

Исследован правовой нарратив в рамках тропологической теории дискурса. Обосновывается целесообразность отхода от дедуктивно-номологического повествования и объяснения права в сторону дискурсивной трансгрессии правовых смыслов. Поиск консенсуса справедливости и законности происходит в области юридических речи и текста. Формирование метаправового пространства через нарративный дискурс рассмотрено как шаг к либерализации и гибкости права.

Ключевые слова: нарративный дискурс, метаправо, динамизм права, телесность права, интертекстуальность, семантика смыслообразования.

Актуальность проблемы. Когда в современной философии права речь идет о дискурсивности и либерализации права, то предполагается, что правовое поле является полем высказываний. Однако телесность права заключается не собственно в дискурсе, но и в применении закрепленных

правовых высказываний. Постмодернизм выявил деконструктивные возможности правового нарратива, позволяющие ощутить в нем телесность права. Характерной особенностью деконструктивной интерпретации права является смещение смыслотворческой инициативы от автора юридической нормы к ее применителю — непосредственному участнику дискурса. Освоение техники нарративного дискурса предполагает интерактивное состояние субъекта. Право представляет собой одну из значимых областей информационно-коммуникативного пространства современной культуры. Поэтому правовой дискурс сегодня должен воплощать в себе особенности организации и функционирования глобальных самоорганизующихся открытых систем. Новейшие культурные тенденции преобразования языковых тропов от повествования к дискурсу не могут не повлиять существенно на семантику и герменевтику права. Особую актуальность на данном фоне приобретают связанные с этим проблемы правопонимания, в частности герменевтических возможностей права в виртуальном мире коммуникации, а также его оптимальной языковой формализации на различных этапах правоприменения. Это затрагивает более масштабную проблему смысла права как такового.

Целью статьи является предварительная расстановка акцентов в ходе деконструкции речевых и текстовых структур права в сторону дискурсивно-коммуникативного поля, организованного по принципу интересубъективизма и смысловой креативности. На пути к этой цели последовательной **задачей** выступает анализ уже наработанных в литературе и историографии принципов тропологии и деконструкции для применения их в правовом нарративе, не исключая возможности поколебать позитивистские каноны юридического повествования.

Анализ последних исследований и публикаций свидетельствует о том, что специальные проблемы структурирования и интерпретации правовых текстов, связанные с демифологизацией права в дискурсе, до сих пор не нашли отклика в философско-правовой литературе. Выход на проблему правового нарратива в данном исследовании осуществляется через литературную семиотику (Ц. Тодоров, Н. Фатеева, М. Рыклин), философскую структурологию (Р. Барт, В. Беньямин, М. Ямпольский, У. Эко), а также европейский деконструктивизм, занимавшийся особенностями бытия вещей в пространстве речи (Ж. Деррида, П. Рикер) и, в том числе, тропологию исторического нарратива Х. Уайта.

Изложение основного материала. Нарратив — это модель повествования. В XX в. структура и принципы литературного и исторического нарративов изменились, что выразилось в таких повествовательных семантико-синтаксических моделях и явлениях, как интертекст, между-текст, центонный

текст, метатекст, полинарратив, перформанс, некомментируемое повествование, деконструкция, грамматология и т. п. Основной акцент данных явлений сводится к приданию тексту новой функции, а именно замене комментария смыслотворчеством.

Новый нарратив — открытый текст, текст без сюжетной фабулы. Это динамическое пространство смыслообразования, возможности которого обусловлены грубой стыковкой асинхронных поливалентных высказываний. Смысл «сквозит» сквозь расщелины эпох, культур и традиций, языков и наречий, символов и метафор, контекстов и мнений. Главный вопрос деконструктивного анализа именно правовых текстов заключается в том, насколько эта модель метанарратива приемлема для права, а если приемлема, то на какой стадии его реализации наиболее эффективна?

Несколько слов об используемой терминологии. Герменевтико-феноменологический анализ правовых текстов (нормативных материалов, законов, материалов судебной практики и материалов следствия) позволяет говорить о них как о юридическом метатексте в значении открытого центонного знакового пространства, обращенного к глобальному опыту и традиции метаправа. Под метаправом следует понимать право, взятое в глобальном аспекте и всецело доступное разносторонней интерпретации. Истолкование и понимание метаправа осуществимы при помощи тропологической теории дискурса. Тропология представляет собой одну из ветвей семиотической теории, непосредственно развивающую методы конфигурации и вместе с тем смыслового преобразования текста в последовательности не только дедуктивно-логической, но и спонтанно-дискурсивной. Тропология является инструментом анализа и объяснения всех фактов, образов, понятий и связей между ними, которые служат знаками реальности, репрезентируемой в нарративе. В свою очередь, тропология правового текста является методологией понимания юридической ситуации и логикой установления юридической справедливости в контексте правового нарратива.

Предметом рассмотрения в данном случае выступает правовой дискурсивный нарратив, формирующийся в основном на этапах оперативно-следственной и судебно-процессуальной практики. Из-за утвердившейся сегодня в науке и литературе тенденции отдаления от интриги и обращения к эпизодично-фрагментарному центонному описанию формируется новый правовой нарратив.

Так называемое возрождение нарратива, прослеживающееся в последние тридцать лет в литературе и историографии, выражается в виде общей антициентистской тенденции повествования. Нарратив (от лат. *narratio* — связанное повествование, рассказ) выступает в качестве семантико-стилевого средства, а также языковой структуры и сегодня берет на себя не только

репрезентативную, но и основную смыслообразовательную функцию. Возрожденный постнеклассический нарратив означает не только отход от «онаучивания» в пользу поэтических средств повествования, но и в принципе открытую языковую структуру с креативным содержанием, играющую главную роль в интерпретации.

По мере изменения способа бытия, мышления человека изменяются и способ повествования, природа нарратива. Он приобретает синтетическую, дискурсивную форму, интегрирующую читателя в эмпирию. Задача юриста — превратить имеющуюся в его распоряжении информацию, количественную и качественную, статистическую и биографическую, визуальную и устную, в правовое сознание и фактичность закона. Если легизм пытался сделать это при помощи критико-номологического анализа, то интересубъективизм — посредством нарративного дискурса.

В юридической науке в качестве теоретизированного нарратива выступает текст, квалифицирующий событие с точки зрения закона. Однако уход от детерминированной повествовательности, конструктивизма, стереотипности грозит юридическому нарративу утратой официально-правового характера и своей значимости. Такие черты, как дискурсивность, плюралистичность, сетевая структурность, креативность могут быть свойственны правовому нарративу исключительно на процедурном, процессуальном этапах, на стадии следствия, то есть обсуждения, поиска, конфликта, противоречий, гипотез и опровержений. Но позволит ли это перемещение акцента в правовом толковании на стадию дискурса избавиться от детерминистской модели объяснения как таковой, что в целом уже успешно свершилось в социогуманитарной научной парадигме постмодерна? Современный нарратив вынужден непрерывно изменять свои средства и приемы (устные, письменные, визуальные) в соответствии с дестабилизированной социокультурной системой и типами ее субъективного восприятия.

Юридическую оценку события посредством подведения под закон можно назвать приданием ситуации правового смысла. Правовой смысл конкретной ситуации не может остаться открытым, незавершенным, дискурсивным в своем официальном юридическом значении. Иначе в чем цель правосудия? В то же время институционально признанный смысл не обязательно единственный. С определенной долей вероятности он даже не отвечает справедливости (абсолютной или субъективной), а с течением времени, сменой обстоятельств, ценностей и норм он может вообще утратить первоначальную значимость, измениться. Тем не менее все это не может устранить необходимости юридического объяснения, обоснования, оценки, обвинения или оправдания с высоты закона.

Закон есть концепт. В поле юридического нарратива закон выполняет роль незыблемой меры справедливости, несмотря на очевидную относительность, служит антиподом динамической природы правового дискурса. Кроме уровня концептуализации, на котором юрист воплощает номологически-дедуктивное объяснение со ссылкой на закон, он должен выделять второй уровень концептуализации, на котором будет осуществляться так называемое дискурсивное доказательство, используя принцип комбинации, то есть наравне с диспозитивным юридическим объяснением учитывать волеизъявления и мнения участников процесса, защиты, присяжных, правовые прецеденты и т. п.

Репродуктивно-смысловые возможности сюжетно-композиционного нарратива XIX ст. были досконально изучены в конце прошлого века английским философом Хайденом Уайтом [1]. Проведенные им анализ исто­риографии и придание ей статуса письменного дискурса определили особый структуралистский этап развития западной гуманитарной науки, в частности методологии познания и понимания. Повышенное внимание к нарративу, ко всем его типам и этапам развития объясняется необходимостью постижения потенциальных форм мировосприятия, самоидентификации, а также моделей поведения современного субъекта, принимающего право, но отвергающего долг.

Различное понимание природы нарратива представителями новой научной истории (один из которых Х. Уайт), с одной стороны, и авторами, склонными к постмодернистскому трансгрессивно-коммуникативному пониманию действительности, — с другой, вполне закономерно: речь идет о метаморфозах онтологии нарратива. Современный нарратив — это отрывочно-хаотичное трансформируемое описание нестабильной социальной, исторической либо правовой реальности. Все выглядит так, будто возрастающая сложность формализованного языка оттесняет на недосягаемый горизонт ту самую реальность, которая может быть выражена в контрфактичности, моделируемой через текст. Однако на самом деле уловки текста лишь заменяют уловки смысла на пути к «освобождению» реальности.

В правовой реальности вердикт правосудия останавливает дискурс справедливости, а вместе с ним и становление смыслового поля правовой ситуации. Однако ситуация продолжает развиваться. Не стоят на месте события, сведения и мнения о них субъектов, их значение, оценка, значимость и, наконец, сами законы. С одной стороны, смысл правового дискурса, что осуществляется в ходе следствия, не в нем самом, но в его результате — конкретном правовом решении. Но, с другой стороны, даже объективное правовое решение не может отвечать представлениям о справедливости

полностью всех участников данного дискурса, а также претендовать на свою абсолютную и окончательную правоту.

Литературно-сюжетный принцип научного повествования обуславливал стереотипность и мифологизм нарратива. Симптомом неактуальности сегодня сюжетной парадигмы правомерно считать популярность отказа от критерия завершенности, сознательное нежелание «заканчивать» смысловое построение текста. П. Рикер признает, что произведение может быть «закрытым» с точки зрения конфигурации и «открытым» с точки зрения прорыва в мир читателя, который оно способно совершить [2, с. 28]. При этом прочитывание, или вычитывание, есть именно тот акт, в котором осуществляется эффект открытости. Текст действует в той мере, в какой он добавляет к миру нечто, чего в нем не было прежде, — то, что структуралист Р. Барт называл «чистым избытком» (добавкой) [3]. «Ударные концовки» у П. Рикера — это концовки, где произведенный разрыв влечет за собой особого рода мыслительную деятельность, в свою очередь характеризующую постструктуралистом Ж. Батаем как «затраты».

Само завершение нарратива допускает множество вариантов, в том числе неожиданных. Целесообразно тщательное исследование отношений между способом завершения повествования и степенью его целостности, которая зависит от эпизодичности, единства психологического ряда, структуры аргументации, риторики произведения, или того, что принято называть стратегией убеждения. В этом смысле наиболее оптимальной концептуальной формой литературно-художественного произведения считается центонный нарратив (коллаж цитат), а формой исторического изложения — хроника как некомментируемый нарратив. Хроника, как и абстрактно-цитатный текст — это примеры открытой формы [1, с. 26].

Наподобие того, как историк располагает события из хроники по степени их субъективной значимости, самостоятельно приписывая им разные функции таким образом, чтобы раскрыть формальную связь целого ряда фактов, таким же образом юрист произвольно оперирует фактами, руководствуясь буквой закона для построения правдоподобного сюжета противоправных событий. Такое представление о задаче юриста справедливо в той степени, в какой в его практике играет роль вымысел, воображаемое. Одно и то же событие реальности может служить различного рода фактами многих правовых следствий в зависимости от роли, которая ему приписывается мотивационной характеристикой того или иного следствия. Когда на определенном этапе расследования вырисовывается логичная и убедительная структура причинно-следственных закономерностей, тогда она подчиняет себе все разрозненные нейтральные сведения, превращая их в факты и аргументы доказательств чьей-либо вины либо невиновности. Во избежание

ложной цепочки расследования правильнее было бы избегать влияния доминантной версии, обусловленной рациональными размышлениями, практической целесообразностью или часто политической конъюнктурой. В противном случае — ожидаемый и желаемый результат определяет и подчиняет себе механизм и средства его достижения, не оставляя места факторам спонтанности и субъективности.

В современной тропологии прогресс и финализм замещаются процессуальностью, конструктивизм — хаотической деконструкцией, конец — кризисом в значении нескончаемого перехода, а детерминистическое объяснение — дискуссионным разногласием. При этом понимающей технологией в коммуникативной реальности выступает именно дискурс; он же гарантирует правовую справедливость при условии независимого договора.

Кризис символизирует собой не столько отсутствие конца как такового, сколько превращение неизбежного конца в имманентный, поскольку не представляется возможным довести дискурс и смысловые перипетии до той точки, где противоречие вовсе бы утратило смысл. Потенциальная вероятность расплаты задает мотив и динамику развертыванию кризиса. Тропологически именно пафос современной, ничем не корректируемой, безстереотипной интерпретации позволяет освободиться от влияния конца (сюжетного финала), то есть от обусловленности. Неожиданность результата — вместо приближения ожидаемого. Онтологические контакты с прошлым и будущим, мотивами и последствиями, обвинениями и оправданиями происходят в открытом доступе дискурсивного нарратива. Стратегия интерпретатора должна быть сосредоточена на оспаривании как обвинений, так и оправданий, на контрасте их аргументации.

Любое противоправное действие есть кризис и поэтому конец его имманентен. Ни одно правовое решение не способно избавить от социальной и психологической утраты, даже провозгласив восстановление юридической справедливости. Поэтому понимание правового дискурсивного нарратива является бесконечным процессом становления актуальных значений — смысловая трансгрессия. Именно текстуальные артикуляции способны задать тропологию интерпретации правового текста. Новая событийная интрига выстраивается в процессе саморазвития конфликта. Понять, развить и развязать эту интригу можно лишь в ходе вновь созданного противоречивого дискурса. Интерпретатор-деконструктор, воссоздающий дискурс, заменяет автора текста (будь этот текст произведением, хроникой или правовой нормой). П. Рикер даже говорит об особом «договоре» автора с читателем: «Я разрушаю произведение, а вы его восстанавливайте, как сможете» [2, с. 33]. Французский деконструктивист называет процесс понимания игрой, традиционно требующей соблюдения установленных правил. Ожидания, разоча-

рования и осмысление текста возможны лишь при условии включенности интерпретатора в этот негласный открытый «договор». Всякая игра имеет свои правила, и если автор/читатель отказывается от условностей сюжетной композиции, он должен ввести новые, более сложные и тонкие условности структуризации текста — тропы осмысления нарратива, основанные на новой рациональности.

Новая рациональность заключена в самой технологии интерпретации событий посредством многостороннего дискурса заинтересованных и незаинтересованных лиц. Фиксируемый формально конфликт аргументов и точек зрения образует открытый и динамичный метанарратив, продуктивный в отношении смыслов. Метафизика нарратива разрабатывалась философами, изучавшими теорию интертекстуальности. Метатекст — это тот же интертекст, образовавшийся на перекрестных ссылках, цитатах и обоснованиях, в своем глобальном масштабе. Деконструктивисты говорят о телесности метатекста в том значении, что он порождает образы-предметы в противоположность образам-мифам [4]. Речь о том, что динамическая «визуализация» событий, достигаемая параллельным наслаиванием ссылок и отсылок, цитат и свидетельств, избавляет от мифичности и усиливает эффект понимания реальных явлений вследствие придания им объема, объектности, физичности, то есть виртуального интерпретируемого уплотнения событийного ряда. Так, конфигурация текста берет на себя функцию строителя правовой ситуации в поле контрфактичности (т. е. поле новой значимости) и требует новой логики самоорганизации, которая действует в правовой реальности любого рода — от нарратива до социальных взаимоотношений.

П. Рикер, например, не связывает нарративную конфигурацию с вымыслом, однако считает, что сам конфигурирующий акт, свойственный историческому либо правовому повествованию, стимулирует продуктивное воображение в кантианско-гносеологическом смысле слова [2, с. 11–12]. Постструктурализм закрепил принцип антифабульного, безсюжетного, центонного (состоящего из цитат), коллажного нарратива, неповествовательного по своей природе. По основным своим характеристикам «новому нарративу» в философии постмодернизма соответствует категория «перформанс».

М. Рыклин отмечает, что эффект присутствия, обнаруживаемый в перформансе в каждом отдельном случае, конкретен и необобщаем [5, с. 108]. Под предлогом построения в своем сознании некоего сюжета, достоверного или вымышленного, вспоминаем о перформансах, в которых участвовали сами. Из этих внезапных и неконтролируемых переживаний нельзя, как правило, выжать даже подобие конструктивной теории. Что же касается перформансов, известных нам только по их описанию, через призму раз-

личного рода документации, то это не более чем убедительные одиозные наррации. Они впечатляют или разочаровывают, убеждают или разубеждают своими исключительно литературными достоинствами; за ними стоит не столько индивидуальный, сколько мировой опыт поэтического повествования. Однако, по мнению М. Рыклина, мы не знаем о перформансах главного: того, что не представимо и существует в них как открытый опыт. «В каком-то смысле простая поездка в автобусе или очередь в туалет, — пишет он, — ближе к перформативному началу, чем самое блестящее повествование» [5, с. 108]. Таким образом, новый коллажного типа центонный нарратив ознаменовал собой замещение повествования открытой формой текста. Нарратив-перформанс включает читателя в деятельный акт интерпретации с непредсказуемым результатом.

В этом смысле очень близок к перформансу по своей цели следственный эксперимент, пытающийся произвольно воссоздать произвольную ситуацию, что само по себе абсурдно. Следственный эксперимент является попыткой поймать то самое ценное и значимое, что присутствует лишь в индивидуальном сиюминутном опыте и неизбежно ускользает при попытке его протоколирования. Однако в случае успеха юридического перформанса возникает следующий вопрос: как открытый смысл открытого нарратива может получить адекватную оценку и интерпретацию на языке позитивного права — в его ограниченной, формализованной семантике?

При углублении в вопросы правовой наррации обнаруживаются некоторые проблемы и противоречия и в области правосудия. Нарративная природа судебного приговора (обвинительного либо оправдательного) не телесна по своей сути. Приговор есть событие поверхности — формализованное переплетение суждений по алгоритмам закона (особая тропология). Языковые машины, по словам структуралистов, вращаются в пустоте, порождая смыслы как фикцию. Реальное состояние дел — далеко не единственная причина утверждений по их поводу. Утверждения также окрашены мировидением субъектов, их высказывающих, обстоятельствами формирования, возможностями языка.

Разнообразие утверждений влечет за собой столкновение смыслов, что является парадоксом. Так на пике роковой парадоксальности противостоят друг другу два вида нарратива-приговора: обвинение и оправдание. Они соотносятся как несовместимые и взаимоисключающие результаты правосудия. Именно они влекут за собой ожидаемую телесность права и выступают гарантией правоприменения. Однако при этом «обвинение» и «оправдание» — по сути просто утверждения. А утверждение, как заметил П. Рикер, — это дело языка. Таким образом, посредником между событиями, которые уже произошли и не повторятся, и событиями, которые станут реакцией право-

судия на них (санкция или оправдание), является нарратив-приговор. Он может быть перформативный или концептуализированный, документализированный или вымышленный, справедливый или несправедливый.

Следовательно, эффективность правосудия обусловлена во многом формой нарратива и устной речи. Необходимо в очередной раз признать правоту П. Рикера относительно того, что право осуществляется в пространстве языка. Однако в то время как современный языковой дискурс претендует на свободу и плюрализм, юридический приговор, необратимо решая судьбы людей, требует строгой однозначности. На этом фоне противоречивым представляется соотношение двух реальностей: правовой реальности дискурса и реальности исполнения приговора, обе из которых являются неотъемлемыми этапами правосудия. Дискурс — затянувшийся кризис, трансгрессия смыслов. Приговор — необратимый конец, финал и кульминация интриги. Синергетическая логика открытого правового дискурса — против диалектической логики номологического повествования (гипотеза — диспозиция — санкция).

Формализм позитивного права («буква закона») тропологически и конъюнктурно обуславливает приоритет тех или иных участников правового дискурса, чем предопределяет его финал — легитимный приговор. Однако легитимность гораздо уже справедливости как таковой. Удовлетворить требования справедливости — вовсе не означает вынести обвинительный или оправдательный приговор. Часто значение и знак не совпадают. Легализирующий комментарий умертвляет смысл факта, который комментируется. Некомментируемая фрагментарная подробность делает этот мир непоправимо неполным, чем активизирует сознание интерпретатора, открывает и расширяет его горизонт понимания. М. Рыклин отмечает, что язык говорит в этом случае из онтологически присущего ему «зияния»: обилие и переизбыток сталкивающихся смыслов, парадоксов заставляют ощущать дефицит знаков. Это — мир непрерывного становления, индивидуализированный, но лишенный идентичности субъектов — «мир кустящейся идентичности» [6, с. 179].

События фактичности (то есть индивидуальные актуальные смыслы вещей) убивают критический пафос любой системы знаков, поскольку событие языка — это когда событие истины не состоялось, исходя из того, что объективной истины не существует. Современная виртуализация межличностных, социальных, политических, моральных, региональных и прочих связей стала расплатой за недавние идеологизацию, морализаторство, мифологизм и авторитарность. Как отмечает В. Беньямин, теперь само действие вытесняет мнение о нем [7, с. 126].

Нарратив, которому не свойственны повествовательный режим и линейно-сюжетная структура, представляет в большей степени непосредственный

взгляд на события и контакт с ними. Определяющее значение в процессе понимания той или иной вещи приобретает само отношение, а не мифы о ней. Основную роль при создании таких суждений играют ракурс восприятия и режим воспроизведения реальности, о которой судим. Нарратив, создаваемый при этой созерцательной позиции, сконцентрирован не на сюжете, который обычно хранит интеллектуальная память, а на впечатлении от увиденного или узнанного, ответственность за которое несет эмоциональная память. Именно она задает тропологию правового текста. Эмоциональная память способна воспроизвести лишь обрывочные фрагменты индивидуального или глобального прошлого; механизм этого воспроизведения запускается мотивацией со стороны самого понимающего субъекта. Особую роль при отсутствии связующих комментариев играют второстепенные лица и объекты второго плана, привносящие эксклюзивный эмоционально-психологический фон.

Эмоционально-созерцательное отношение к миру, опирающееся на возможности современных выразительных средств, придает процессу конструирования правовой реальности в индивидуальном сознании юриста особую рациональность — рациональность игры в случайность, которая распространяется на правила, принципы и языковые формы этой игры. Ж. Деррида, к примеру, расценивает игру даже как тип межвременной коммуникации или способ отношений с прошлым, который, однако, невозможно назвать состоянием, эффектом присутствия, поскольку «игра есть разрыв присутствия» [8, с. 367].

Согласно структуралистской теории Ц. Тодорова нарративное повествование, как, впрочем, и дискурс, являются предметами обмена между дарителем и получателем. Текст подобно речи представляет собой комбинацию двух основных процессов: членения и интеграции, придания формы и придания смысла [9]. Иными словами, в пределах нарративного поля мы имеем возможность осуществить смысловую интеграцию (проникновение в суть) через формальное членение текста — ломку сюжетной композиции. Реальность, заключенная в пластической ткани правового нарратива, и мышление, возникающее в рефлексии проблемных идей, пересекаются в тексте, что влияет на характер восприятия последнего.

Удачнее всего дискурсивный характер права выражает центонный текст. Сегодня огромное значение приобретает техника интертекстуального чтения нарратива, где акцент ставится на субъективном выборе интерпретатором цитируемых текстов-предшественников, имеющих определяющее значение в каждом конкретном акте интертекстуального прочтения. Правовая наука до сих пор в меньшей степени интересовалась самим текстом, чем тем, следом чего он является. Постструктуралистский подход к литературному,

научному, правовому повествованию позволяет выявить способы функционирования письма и процессы производства смыслов; а также достичь понимания того, что смысл права не задается его прагматично-позитивистским критерием и даже не сводится к бесконечному множеству индивидуальных смыслов. Смысл права возникает в самом процессе референции эмпирических событий, более того, совпадает с самим его поиском.

Отталкиваясь от теории трансгрессии (вечного становления), можно утверждать, что юридическая справедливость — это не результат, а процесс. Подмена достижения справедливости ее производством, на первый взгляд, противоречит официальному предназначению правосудия. Его цель усматривается в масштабном, многослойном и незавершенном дискурсе справедливости, в котором не находится места приговору. В этом смысле любой приговор несправедлив, поскольку жизнь не стоит на месте, она динамична, нестабильна, и последующие события могут коренным образом изменить значение и смыслы прошлых событий, за которые люди уже понесли наказание. Приговор-осуждение утрачивает интегративный смысл права, сохраняя лишь карающий.

Постмодернизм отмечает активное умножение репродуктивных форм в культуре, стремление к непрерывному обновлению текста посредством его фигуральной вариативности. Искусство, литература и история постмодерна уже давно освоили технологию образования смыслов в интертекстуальном горизонте. Смыслообразование не прекращается в многоплановой конструкции пародии, где базовые тексты-предшественники «сквозят» сквозь последний слой интерпретации в преобразованном или заковыченном виде. Именно такая особенность нарратива, как его интертекстуальная емкость и умножение интерпретаций, отвечает семантической структуре пародии. Механизм правового смыслообразования запускается в ходе сопоставления в одном юридическом нарративе субъективно свидетельских, протоколирующих, нормативных и интерпретирующих текстов, а также наслаивания определенных фактов, их оценок и толкований. При сдвигах, столкновениях и наслоениях противоречивых интертекстуальных рядов происходит мерцание правовой справедливости — того, как оно было на самом деле.

Правовые факты и нормы, по сути, находятся в интертекстуальных отношениях, и любое закрепленное правовое решение или приговор близки по характеру к центонному нарративу — тексту с отсылающими цитатами. Однако в отличие от исторического или литературного интертекста правовой текст не может оставаться незавершенным, открытым для понимания. Для права дискурсивная природа относительна, она характерна ему лишь на определенном этапе — этапе поиска справедливости. И хотя неоднознач-

ность справедливости очевидна, формальная юридическая справедливость одна, независимо от того, какие (легистские или интересубъективистские) принципы ее установления использовались. Дискурсивный же нарратив пусть и проходящий, но все же необходимый этап в осуществлении права. Так, в нарративе-дискурсе обвинение и оправдание сосуществуют как приговор-утверждение языка. Однако они никак не могут сосуществовать в отношении одного и того же субъекта в правоприменительном приговоре-исполнении.

Юридический нарратив требует однозначной, конкретной и окончательной позиции автора, поскольку влечет за собой однократные, но необратимые последствия. Он также не может быть избавлен от комментариев. В этом заключаются основные особенности правового текста: он констатирует определенный смысл, представляя собой не конечную цель, а промежуточный этап. Правовое «произведение» — лишь опосредующее звено в цепи правоприменительной практики. Эффект права, в отличие от эффекта литературы и истории, сводится не столько к регуляции сознания субъектов, сколько к регуляции их поведения, отношений, поступков, деятельности. Любое правовое толкование предполагает инструментальное воздействие на социальную ситуацию, влияние на гражданскую активность индивидов, поскольку отношения между людьми являются самой телесностью права.

Таким образом, говорить о либерализации права и плюрализации его смыслов как актуальной современной тенденции можно лишь на этапах дискурса и наррации. Праву сегодня действительно полезны смысловая поливалентность, метатекстовый полифонизм, контекстуальный дискурс, но окончательный выбор одного правоприменительного смысла из их множества должен быть обусловлен официальными приоритетами, ценностями и интересами. Даже дискурсивность и динамизм права, свойственные ему на современном этапе, не в состоянии лишить его объективных критериев справедливости. Синергетически организованный управляемый хаос неизбежно тяготеет к порядку, но приходит к нему не вероятно, а под воздействием наиболее влиятельных факторов, одним из которых является закон.

Интертекстуальная многослойность, влекущая за собой семантическую пародийность и открытость интерпретации, не может быть свойственна правонарративу, к примеру, в виде приговора. Именно завершенность, итоговость, безапелляционность правовых выводов и решений делают право позитивным, действующим. Право не есть «суждение по поводу» или «реконструкция происходившего» как поэтика или историография. Нарратив и речь — лишь некоторые из способов бытия права. Целью и закономерным следствием языкового этапа бытия права является осуществление его в пра-

воприменительной практике в виде исполнения наказаний, несения различных типов ответственности, получения оправданий, компенсирования ущерба и т. п. Только на этих этапах право обретает свою телесность и действенность, тогда как история «проглядывает» из деконструктивного «междутекста» на стыках различных смыслов.

Распространяется ли бартовский принцип — «всякий текст есть междутекст по отношению к другому тексту» — на материал правового характера [3, с. 418]? Текстуальный диалогизм впервые обнаружил себя именно в романе эпохи модерна. Расщепление единого текстового потока, когда почти каждое слово отсылает к предтекстам и разорванность нити повествования, заданная уже самой формой текста, возникли в начале XX в. и являются показательными для авангардизма [10, с. 9]. Семантическая нелинейность и неоднородность текста дают активную установку на диалогичность. Для деконструктивного полинарратива характерно присутствие одновременно нескольких субъектов высказывания — представителей разных культурно-теоретических традиций. Деконструкция выступает как метод переразложения и перекомбинирования исходных компонентов текстов, принадлежащих разным временным срезам.

Не менее актуальна модель метанарратива и для постистории (XXI в.) — полифонический роман, построенный на интертекстуальных технологиях. Бездна забытия, на краю которой задержался растерявшийся человек, рефлексивно воскрешает в его памяти фрагменты всей жизни, воспроизводимые в его сознании в своем глобальном множестве и физичности благодаря эффекту виртуализации. В своей игровой перформативной динамике текстуальные артикуляции доходят до абсурдной стадии, порождают пародии и исключают возможность восприятия их как единого целого. Иными словами, интертекст на стыках деформализирующих языковых парадоксов преподносит нам зыбкие и неуловимые подлинники прошлого, всякие попытки констатации которых оборачиваются лишь их следом — ироничными клишированными баснями. Очевидное морализаторство становится единственным и комичным смыслом этих басен и одновременно эпитафией на «могиле» телесности нарратива.

Интертекстуальность в своей игровой парадоксальности напоминает Барона Мюнхгаузена, учившего людей говорить правду. Наименовать что-либо «правдой» означает полностью нейтрализовать его в этом качестве. Язык исчерпывает явление. Текст предстает альтернативой вещиности, он — лишь снимок реальности, которая единственная могла бы быть источником себя самой. Объективная реальность в состоянии сказать правду о себе, однако любые существующие для этого способы не в состоянии донести ее, поскольку, проговаривая, изображая или записывая «правду» мы тем самым

уничтожаем ее. В сфере права реконструкция исторической правды (обстоятельств дела) не является самоцелью. Это лишь промежуточный этап на пути к правовой справедливости, имеющий, однако, решающее значение. С позиции постструктурализма любая попытка зафиксировать «правду», предъявить ее в тексте или образе неизбежно тенденциозна. Поэтому поиск новых технологий репрезентации открывает возможности для различения видов и градаций подлинности. Семиотические игры, порождаемые ими аномалии, парадоксы речи и текста, а также смысла выступают реальными средствами понимания «новой подлинности». Она проявляет себя в иронических, иносказательных, сюрреалистических формах, манифестирующих лишь условное конфликтное соотношение недостоверных фактов. Следовательно, искомая реальность, или справедливость, становится доступной в результате прочтения того самого междутекста, проглядывающего на скрещении гипертекстовых ссылок полифонического нарратива.

Фрагменты правового гипертекста, подобно фрагментам художественного, снабжены широкой системой связей с другими текстами и предлагают различные пути прочтения эмпирии. Каждый фрагмент оказывается включенным в целую сеть текстов, созданных до него или параллельно с ним; приобретает визуальное многомерное прочтение, становясь, по выражению У. Эко, мультисеквенциальным, то есть читающимся в любой последовательности, создавая сеть, каждый узел которой самостоятельно увязывается с любым другим [11, с. 6]. Гипертекст предстает как деконструирующийся, его строение нелинейно, иерархия и взаимообусловленность фрагментов случайны, в нем действует система отсылок. Такой текст провоцирует эффект смысловой множественности и многоголосия [10, с. 11]. Децентрация смысла и структуры гипертекста ориентированы на формирование метасознания, которое бы уравнивало и примиряло в одном глобальном пространстве интерпретации многих авторов и читателей, предоставляя им вольный фокус правового зрения, путей и способов понимания.

Выводы. Произошедшая в современной коммуникативной культуре замена повествовательного нарратива дискурсивным позволяет обнаруживать юридическую справедливость не столько в приговоре, сколько в ходе его формирования и возможности обжалования. По методу деконструкции произошедшие события должны пониматься в момент интерпретации, а не по ее итогам, во избежание субъективации и излишней тенденциозности значений. Согласно данному принципу правовые смыслы проявляются лишь на этапе следственного или судебного дискурса, а впоследствии замещаются «мифом правосудия», протекционистски конституирующем «мертвое» право как конечную справедливость. Критика этой ситуации стимулирует

технику нарративного дискурсу, предполагающую интерактивное состояние субъекта понимания, участвующего в нем.

Механизм формирования метаправового пространства через нарративный дискурс — шаг к либерализации и гибкости права. Реактивная динамика современной социально-правовой реальности удачно отражается в семиотике интертекстуальных построений. Однако синергия множества смыслов неизбежно влечет за собой аттракторное состояние законности, в чем и заключена тропология правового нарратива — тяготение к порядку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. : пер с англ. / Х. Уайт. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 528 с.
2. Рикер П. Время и рассказ : в 4 ч. — Ч. 2 : Конфигурация в вымышленном рассказе : пер. с фр. / П. Рикер . — М. ; СПб. : Унив. кн., 2000. — 224 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт. — М. : Прогресс, 1989. — 615 с.
4. Ямпольский М. Б. Память Тиресия: Интертекстуальность и кинематограф / М. Б. Ямпольский. — М. : Культура, 1993. — 464 с.
5. Рыклин М. Открытый опыт / М. Рыклин // Террорологиики / М. Рыклин. — Тарту : Эйдос, 1992. — С. 108–112.
6. Рыклин М. Изнанка метафоры / М. Рыклин // Террорологиики / М. Рыклин. — Тарту : Эйдос, 1992. — С. 176–185.
7. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин // Озарения : пер. с нем. / В. Беньямин. — М. : Мартис, 2000. — С. 122–152.
8. Деррида Ж. Письмо и различие : пер. с фр. / Ж. Деррида. — СПб. : Акад. проект, 2000. — 432 с.
9. Тодоров Ц. Грамматика повествовательного текста / Ц. Тодоров // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8 : Лингвистика текста : пер. с фр. — М. : Прогресс, 1978. — С. 450–463.
10. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. — М. : Агар, 2000. — 280 с.
11. Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию : пер. с итал. / У. Эко. — СПб. : Петрополис, 1998. — 430 с.

ДЕКОНСТРУКТИВНІ МОЖЛИВОСТІ ПРАВОВОГО НАРАТИВУ

Мелякова Ю. В.

Досліджено правовий нарратив у рамках тропологічної теорії дискурсу. Обґрунтовано доцільність відходу від дедуктивно-номологічного оповідання та пояснення права у бік дискурсивної трансгресії правових смислів. Пошук консенсусу справед-

ливості і законності здійснено в галузі юридичних мови і тексту. Формування мета-правового простору через нарративний дискурс розглянуто як крок до лібералізації та гнучкості права.

Ключові слова: нарративний дискурс, метаправо, динамізм права, тілесність права, інтертекстуальність, семантика смислоутворення.

DECONSTRUCTIVE FEATURES OF LEGAL NARRATIVE

Melyakova J. V.

Legal narrative was studied within the framework of tropological theory of discourse. The expediency of departing from deductive-nomological narration and explanation of law toward discursive transgression of legal meanings was substantiated. The search of consensus of justice and legality takes place in the area of legal speech and text. Formation of metalegal space via narrative discourse is regarded as a step toward liberalization and flexibility of law.

Key words: narrative discourse, metalaw, dynamism of law, corporality of law, intertextuality, semantics of meaning-formation.

УДК 340.12

В. А. Трофименко, кандидат юридичних наук, доцент

СУДОВА СИСТЕМА УКРАЇНИ В ПРИЗМІ АНТРОПОЛОГІЧНОГО ЗРІЗУ

Здійснено спробу антропологічного аналізу роботи судової системи країни. Визначено точки перетину судової гілки влади та громадянина. Розглянуто моменти, на які необхідно звернути більшу увагу для збільшення поваги до суду і правоохоронної системи в цілому.

Ключові слова: судова система, суд, антропоцентризм, судові рішення.

Актуальність проблеми. Нова хвиля громадянського протистояння проти влади знову привернула увагу громадян до проблем правоохоронної та судової систем. Органи та установи, покликані захищати громадян, фактично перетворились на «держави в державі» і діють за власними порядками. Те, що існує законодавче регулювання їхньої діяльності, жодним чином не впливає на зростання кількості ситуацій із зловживання посадовими обов'язками.